

Ольга Егошина

«У меня родился сын, которому дано имя Мхат...»

Автор письма продолжает: «Я полагаю, что это первый гражданин СССР, который носит имя, данное ему в честь Московского Художественного Академического театра, а потому мне кажется, что Музеем будет интересно поместить его карточку в своих коллекциях. Прилагаю копию его метрического свидетельства; второй экземпляр карточки очень прошу Вас передать Константину Сергеевичу и вместе передать ему мой большой сердечный привет»¹.

Автор – Владимир Карпов, сын известного режиссера и драматурга Евтихия Карпова, до революции артиста Театра Литературно-художественного общества. Письмо написано в октябре 1932 г. Четыре года спустя Владимир Карпов, работавший в то время в Русском драматическом театре в Ашхабаде, был арестован по статье 58-10 УК РСФСР (за пропаганду или агитацию, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений). 11 марта 1938 г. он был расстрелян на Руднике (Воркута) Коми АССР.

Судьба мальчика по имени Мхат неизвестна. Стилистика письма и реалии жизни его автора типичны для того двадцатилетнего исторического промежутка, который представлен в третьем томе «Писем в Художественный театр. 1929–1948».

С конца 1928 г. начинается новый отсчет жизни Художественного театра. Болезнь К.С. Станиславского, перенесшего тяжелый сердечный приступ на юбилейном вечере, навсегда положила конец его актерской деятельности и во многом ограничила как режиссера-постановщика. Он продолжает разрабатывать режиссерские экспликации, репетирует с артистами в собственной квартире в Леонтьевском переулке, принимает там же многообразных посетителей, но практически не появляется в стенах созданного им театра, сосредоточившись на разработке своей системы актерского творчества.

В «Смерти Вазир-Мухтара» Юрий Тынянов так определил насильственную смену исторической парадигмы: «Кровь века переместилась». Можно сказать, что юбилейный вечер и болезнь Станиславского стали триггером, запустившим процессы «перемещения крови» Художественного театра. Новая глава истории МХАТа совпала с новым этапом истории страны. В выстраиваемой Советской властью художественной иерархии МХАТу отводилось почетное место первого театра Страны Советов. В январе 1932 г. официальное наименование Московский Художественный академический театр дополнила аббревиатура «СССР»; в сентябре того же года театру было присвоено имя Максима Горького. Новый статус налагал свои обязательства.

«Огромные сдвиги, происходящие во всех областях строительства нашей родины, новые люди, новый быт, зарождающаяся новая человеческая цивилизация заставляют меня, одного из старейших представителей театра, искренно преданного искусству, волноваться его судьбой. Наш театр может и должен стать самым передовым театром

нашей страны в сценическом отображении всей полноты внутренней духовной жизни рабочего человека, ставшего хозяином земли», – пишет К.С. Станиславский в письме к И.В. Сталину и далее подчеркивает: «МХАТ же должен быть превращен в вышку театрального искусства»².

Прежде всего изменения коснулись репертуарной политики. «Театр существует для драматической литературы», – таково кредо Художественного театра с первых дней существования. Выбор автора для него был делом особой важности и значения. С конца двадцатых в афише появляются авторы и пьесы ранее непредставимые. Тема хлебных продразверсток в деревне и борьбы с кулаками – центральная в спектакле «Хлеб» по пьесе Владимира Киршона, главного рапповца и одного из самых влиятельных врагов Художественного театра в двадцатые годы. Близкий к одному из идеологов террора – наркому Генриху Ягоде – Владимир Киршон после его падения попадет в опалу. 13 мая 1937 г. он будет исключен из партии; 29 августа 1937-го – арестован. Обвинен в участии в контрреволюционной террористической организации и приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 28 июля 1938 г. (в 1955-м Киршон реабилитирован посмертно).

Поставленный рядом «Страх» Александра Афиногенова, второго лидера РАПП, рассказывал о партийных «чистках» в среде ученых. Историк МХТ И.Н. Соловьева напишет с горестным недоумением: «Мхатовцам недалеко было ходить, чтобы знать реальность, стоящую за пьесой “Страх”, прототипы тех ученых, кого там арестовывают. Склонились ли они к тому, чтобы верить чужим идеям больше, чем своим глазам и эмоциям?»³ Со сцены Художественного театра старая большевичка Клара в своем монологе под занавес предупреждала: «Готовьтесь к новым вылазкам классового врага и бейте по ним со всей силой!»

Тема «врагов» разворачивалась и становилась основной и центральной. Репетируя в 1935 г. спектакль «Враги» по М. Горькому, Немирович-Данченко определяет: зерно пьесы – в ее названии. В статье 1940 г. он пишет: «Одно из самых ярких и легко понимаемых “зерен” спектакля – “Враги” Горького. Зерно крепко, четко, уже в самом названии пьесы. С одной стороны – рабочий класс; с другой стороны – помещики, фабриканты, эксплуататоры»⁴.

На перипетии пьесы главный театр страны смотрел глазами людей, твердо усвоивших главный лозунг 30-х гг., сформулированный самим Горьким: «Если враг не сдается – его уничтожают». П.А. Марков назвал постановку «Врагов» «своего рода сценическим манифестом социали-

«Страх». Московский Художественный академический театр.
Сцена из спектакля. 1931

стического реализма»: «подлинный этапный спектакль, подводящий итоги долгим исканиям и открывающий просторы в будущее»⁵.

Перемены любимого театра, закрепленные в новом имени, принимали далеко не все его зрители. В архиве хранится письмо, в котором учительница Соколова, не проставившая своих инициалов и места жительства, обращается к Вл.И. Немировичу-Данченко: «Пишу от лица многих, очень многих, разбросанных по разным уголкам страны. Обсуждалось нами в кружке педагогов. Просьба к Вам. Нельзя ли похлопотать, чтобы Художественный театр носил также звание и Чехова. Вместе. Ведь для такого театра эта необычность возможна. Мы высоко ценим Горького, но еще выше – Чехова. Вообще как-то странно, неловко. Даже, простите, не говорите никому: учителя хотели писать Горькому о том, что у него не хватило такта отказаться от присвоения его имени МХАТу (ведь это же чеховский театр). Горький хорош и велик и много сделал для МХАТ, – а как же Чехов? Забыт? Но ведь можно вместе. Имени и того, и другого».

На письме имеется поверх текста пометка: «По распоряжению В.И. – без ответа». Обнадежить корреспондентку было нечем. Да и писать без расчета на «чужие глаза» в тридцатые годы было безрассудством.

Время, которое охватывает третий том писем, было самым тягостным в жизни нашей страны. Десятилетия репрессий, затронувших

практически каждую семью. Самая кровопролитная война в мировой истории. Сколько биографических справок по авторам писем во МХАТ заканчиваются словами «репрессирован», «расстрелян», «погиб». Иногда между датой отправки письма в театр и датой уничтожения его автора – несколько месяцев. В середине января еще всесильный нарком просвещения Андрей Сергеевич Бубнов телеграфирует во МХАТ директиву об участии макетов спектакля «Борис Годунов» в юбилейной пушкинской выставке, а через восемь месяцев он арестован и еще через год расстрелян (реабилитирован 14 декабря 1956 г.).

Доктор Лев Григорьевич Левин, консультант лечебно-санитарного управления Кремля, который годами был личным врачом В.И. Ленина, А.М. Горького, Ф.Э. Дзержинского, В.М. Молотова, Г.Г. Ягоды, В.Р. Менжинского и многих других деятелей партии и правительства, а также старейших актеров МХАТ, в мае 1937 г. поздравляет с Орденом Ленина И.М. Москвина. Семь месяцев спустя он арестован как участник контрреволюционного правотроцкистского заговора с целью устранения руководства страны (в частности убийства председателя ОГПУ СССР В.Р. Менжинского, первого заместителя председателя СНК и СТО СССР В.В. Куйбышева, писателя А.М. Горького). Расстрелян 15 марта 1938 г.; реабилитирован посмертно Верховным судом СССР в 1988-м.

Пишет Немировичу-Данченко после премьеры спектакля, разбирая огрехи в деталях великосветского быта в «Анне Карениной», морской офицер, потомок древнего украинского шляхетско-дворянского рода Михаил Сергеевич Рошаковский. После революции он эмигрировал в Норвегию, служил в судостроительной фирме, вернулся в 1925-м. Был арестован в 1928-м, потом амнистирован и освобожден. В 1937 г. арестован НКВД, осужден на пять лет заключения как социально-опасный элемент. Скончался в Карагандинском ИТЛ в 1938 г. (его характерный силуэт возникает в воспоминаниях Льва Разгона).

«Век-волкодав» кидался на плечи поэтов и военных, агрономов и врачей, ученых и колхозников, людей, стоящих у самых вершин власти, и вчерашних «работников органов». В авторах писем в Художественный театр по-прежнему – вся страна. Хотя можно заметить зияющие пустоты «упраздненных сословий»: нет больше писем от священников, купцов, крестьян. Но появляются письма от депутатов разных съездов, от райкомов и парткомов, от зимовщиков Амдермы, от комсомольцев и пионеров, от советских школьников и колхозников, от заводских цехов и воинских частей. Растет число коллективных писем, часто

«Враги». Московский Художественный академический театр.
Сцена из спектакля. 1935

привязанных к юбилейным датам, к новым государственным наградам и званиям, которые актеры и режиссеры МХАТ получали достаточно регулярно. Премьеры в МХАТ становятся событиями, выходящими за пределы чисто театральной сферы. О постановке «Анны Карениной» в 1937 г. ТАСС сообщает как о деле государственной важности. Юбилеи ведущих артистов театра отмечает вся страна.

Статус «главных подмостков СССР» не оберегал театр от цензуры: в 1936-м после нескольких представлений был снят «Мольер» М. Булгакова, его автор покинул труппу Художественного театра и больше никогда не переступал его порог. Хотя связи с театром сохранялись. И после смерти драматурга его вдова продолжала переписку с Вл.И. Немировичем-Данченко и с В.И. Качаловым, считая их по-прежнему близкими людьми.

Статус не избавлял и от репрессий. Как отмечал историк Художественного театра А.М. Смелянский, «...в сложившейся системе жизни МХАТ был, конечно, “кругом первым”, актеров и режиссеров сажали очень редко. Однако уничтожая одного за другим мхатовских директоров, Сталин имел возможность показать остальным мхатовцам, сколь призрачно их благополучие (в 1937 году арестован и расстрелян М.П. Аркадьев, в 1940 расстрелян Я.О. Боярский)»⁶. В 1941-м был арестован

Зал МХАТа. Архитектор Ф. Шехтель

и сослан режиссер В.Г. Сахновский (возвращен после личного письма Вл.И. Немировича-Данченко Сталину).

Тем не менее для многих Художественный театр в тридцатые и сороковые оставался блаженным островом, театром, с которым связана большая часть жизни (или вся жизнь). В письмах этих лет все чаще повторяется как заклинание глагол «помню»: *помню* первые сезоны, постановки, давно из репертуара выпавшие, *помню* давние гастроли и ушедших артистов. Иногда кажется, что авторы писем стремятся уйти в спасительную сень любимого Театра, вспомнить «сукно, окаймляющее зал», чтобы не слышать подземного гула, который звучит все ближе. Авторы писем вспоминают, что значил Художественный театр в их жизни и как пароль «МХТ» помогал и помогает опознавать родственные души.

Вера Рауш в письме к О.Л. Книппер-Чеховой вспоминает, как она, медсестра на Первой мировой войне, оказалась под артиллерийским обстрелом немцев. Вместе с молодым врачом они не могли покинуть тяжелораненых, а огонь противника все ближе подходил к хутору, где размещался полевой госпиталь. Взрывы звучали все ближе. Надежды остаться в живых почти не осталось. И тогда врач вдруг спросил, бывала ли она в Художественном театре. Узнав, что это ее любимый театр, начал вспоминать его спектакли сам. «И сила художественных образов даже

в воспоминании была так велика, что мысль о смерти поблекла перед нами. Мы не видели больше пожарища, мы не слышали ни канонады, ни стонов раненых. Книппер, Качалов, Станиславский и др. всецело захватили нас. Вдруг дверь с шумом распахнулась, и, как бомба, влетел в халупу совершенно пьяный фельдшер: “Не стреляют!” – заорал он и вернул нас к действительности. И тогда во весь свой высокий рост поднялся доктор. Его лицо было серьезно и торжественно. “Сестра! – сказал он – Сестра! Дадимте друг другу слово, что тот из нас, кто первый вернется в Москву, принесет художникам наше спасибо! Подумайте! Если бы мы с Вами погибли, то умирали бы не с отчаянием и тоской, а среди чудесного коллектива Художественного театра!” Из всей деревни уцелела одна халупа».

Вера Рауш прожила долгую жизнь, работала педагогом-географом, оставила книги по специальности и благодарных учеников. Ее письмо с отголосками Первой мировой войны, адресованное О.Л. Книппер-Чеховой, написано в 1940 г. Очень скоро о спектаклях и голосах Художественного театра будут вспоминать под артиллерийским огнем противника солдаты и офицеры Великой Отечественной войны.

Письма военного периода – отдельная строка в эпистолярном наследии МХАТ. Начало войны застало Художественный театр разделенным: часть труппы находилась на гастролях в Минске, часть оставалась в Москве. Воздушные налеты на Минск шли уже с 24 июня 1941-го, в огне пожара от бомбы погибли декорации к нескольким постановкам, в том числе к спектаклю «Дни Турбиных». 117 мхатовцам под руководством И.М. Москвина пришлось срочно выбираться из горящего Минска. В воспоминаниях Всеволода Алексеевича Вербицкого описано, как труппа вырвалась назад в Москву: «Только благодаря невероятному счастью да энергичному водительству И.М. Москвина, добрая половина Художественного театра не погибла 24 июня 1941 года в Минске под градом фашистских бомб». Москвину удалось выпросить у командира зенитной батареи грузовик, на котором и эвакуировали актеров. Вербицкий пишет: «Положение майора было трудное. Формально он совершал преступление, отдавая нам грузовик, необходимый для военных целей. Но как отказать Москвину?.. И он не только дал нам грузовик без всякой расписки, взяв с нас слово *дать* его в любую военную часть по нашем прибытии на место, но даже приказал двум красноармейцам из своей части сопровождать нас в качестве охраны. Я запомнил фамилию этого обаятельного и культурного человека – майор Гиацинтов»⁷.

Почтовая марка, 1948 год.
50-летие Московского Художественного
академического театра СССР
имени М. Горького.
Занавес МХАТа

В архиве Музея МХАТ хранятся письма таких культурных военных – рядовых и офицеров, для которых имя Художественного театра было чем-то особенным, важным и заповедным. «В первый же день вероломного нападения гитлеровцев на нашу страну я пошел добровольцем в Красную Армию защищать русское искусство от фашистских варваров. И вот теперь уже воюю на пятом фронте. Начал с рядового бойца и сейчас вырос до гвардии капитана, командира отдельной части. Я разведчик. Эта военная специальность по душе творческому работнику. В начале войны я был исполнителем, а ныне руководителем, как меня называют друзья – стал развед. режиссером», – пишет Владимир Гушин, ушедший на фронт из Ленинградского театра драмы им. Пушкина. Пройдя всю войну, получив ордена Красной звезды и Отечественной войны первой степени, он вернется в труппу своего театра, где проработает до конца жизни.

Другой молодой артист, еще не успевший поступить на профессиональную сцену, обратится из действующей армии к И.М. Москвину с просьбой прислать «Мою жизнь в искусстве» К.С. Станиславского: «...в какой обстановке я бы ни находился, я хочу учиться, чтобы, если буду жив, приехать в Москву и поступить в театральное училище». Автор письма Николай Пастухов осуществил свою мечту: вернулся с фронта и стал артистом театра и кино, народным артистом РСФСР.

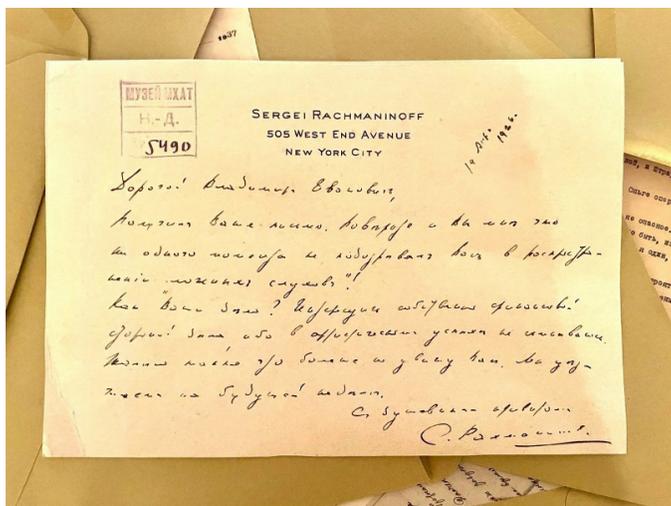
Писали люди, побывавшие на спектаклях МХАТа. «С Вами я считаю себя “знакомым” примерно с 1925–26 года, – обращается к Москвину

сержант Дмитрий Анищенко, – впервые считал счастьем быть в эти годы в Москве проездом и попасть на постановку “На дне” с Вашим участием в роли обаятельного жизненным опытом Луки. Кажется, в 1928 г. я видел так же в Ленинграде постановки МХАТ – “Горячее сердце”, “Синяя птица” и др. – с Вашим участием, в Большом Драматическом театре, что на Фонтанке». И далее: «Сам я из Донбасса. В Ленинграде живу с 1923 года. Имею семью: жену и двух сыновей, 14 и 10 лет. Работал на Кировском заводе. Пришла война – пошел добровольцем в Кр. Армию. Семья моя пережила кое-как блокаду и тяжелый 41/42 год. Из-под стен любимого города Ленина я пошел в наступление, и победно прошли до 300 км. Награжден Орденом Славы III, медалями “за Отвагу” и “за Оборону Ленинграда”. Мне 41 год». Через полгода после этого письма сержант Дмитрий Анищенко погиб.

Самое пронзительное письмо в архиве И.М. Москвина написано юным фронтовиком-инвалидом, подписавшимся *Павлуша Белов*. «Я, можно сказать, никто, маленький человек, обыкновенный рядовой советский гражданин, инвалид Отечественной войны. У меня было с Вами много волнующих встреч. Видел я Вас на экране, даже, признаюсь, плакал над образом коллежского регистратора. Слушал у репродуктора. Но ни разу мне не пришлось видеть Вас на сцене. Я говорил себе: “Вернусь с фронта – непременно все посмотрю в МХАТе”. Вы всегда были моим любимым артистом-другом, в котором воплотились все лучшие человеческие черты. Как сейчас помню, мою последнюю с Вами встречу. Мы много говорили о Вас в блиндаже перед боем, а в бою пуля выбила мне оба глаза. Я слепой, и это совершенно безнадежно. Мне 22 года, но я никогда уже не увижу ни Вас, ни работ МХАТа. И у меня к Вам очень большая просьба, дорогой Иван Михайлович. Навестите как-нибудь меня, это будет очень большой праздник. Живу я в Москве, недавно прибыл из госпиталя готовлюсь в ВУЗ. Вот и все. Мне очень трудно Вам много писать. Крепко, крепко жму Вам руку и желаю долго, долго жить для своего великого народа. Мой адрес: Госпитальный вал, д. 1/11 к. 212 (против Немецкого кладбища)».

Юноша, который перед боем вспоминает самое дорогое, что было в его жизни, – роли артиста Художественного театра Ивана Москвина... Наверное, именно для таких зрителей и такого восприятия искусства Московский Художественный театр когда-то создавался.

В своем предисловии к первому тому «Писем в Художественный театр. 1898–1913» я писала: «Художественный театр многое определял

Письмо С. Рахманинова
в Московский Художественный академический театр

в нравственном строе своих зрителей. Но и такие зрители во многом влияли на этический кодекс и правила жизни Художественного театра»⁸. В самую тяжелую и темную пору именно такие зрители, как Павлуша Белов, напоминали Театру о его главной задаче, ради которой он создавался своими основоположниками; о миссии, продолжавшей «держатъ» Художественный театр и после смерти отцов-основателей.

Через несколько лет после окончания Великой Отечественной войны учительница географии народной школы рабочей молодежи подмосковного города Пушкино просит И.М. Москвина помочь ей в решении непростой задачи: «Билетов т. Михальский обещал не более, чем на 300 руб., а учащихся вместе с педагогами 168 человек. Как я выйду из такого положения – не знаю. Это задача с тремя неизвестными. Учителей обидеть тяжело. За 4 года войны они так изголодались и физически, и духовно, что не хватает смелости лишить их духовной пищи. Ученики, за исключением двух, никогда не были в Художественном театре. Они не тонкие ценители, но они те, которые, переживая вместе с героями, забывают, что у них есть руки и ноги, начинают чувствовать свои грехи и недостатки и которые живут месяцами, а может, и годами под впечатлением того очарования и восторга, которые они получили. В нашей педагогической практике такие случаи бывали, когда учащийся

под впечатлением сильных переживаний и впечатлений становился другим человеком».

Кажется, именно вера в то, что театральный зритель «под впечатлением сильных переживаний и впечатлений становится другим человеком», когда-то летом 1897 г. и сподвигла двух очень разных людей встретиться в ресторане «Славянский базар» для обсуждения идеи небывалого и невозможного Театра, который станет больше, чем театр, не только для его создателей и участников, но и для людей из зрительного зала.

Третий том завершает трилогию «Писем в Художественный театр», охватывающую полвека истории Театра и его зрителей. Тысячи писем, тысяча голосов людей, объединенных любовью и верностью своему театру, сложились в огромную мозаику судеб народа в самые светлые и самые темные часы его истории.

- ¹ Здесь и далее письма цитируются по рукописи «Писем в Художественный театр. 1929–1948», Т. 3. Готовится к печати в издательстве «Навона».
- ² Письмо К.С. Станиславского И.В. Сталину от 1 января 1936 г. Цит. по: <https://web.archive.org/web/20100211060446/http://on-island.net/Other/МНАТ.htm> (дата обращения 30.10.2025).
- ³ *Соловьева И.Н.* Художественный театр: Жизнь и приключения идеи. М.: Московский Художественный театр, 2007. С. 548.
- ⁴ *Немирович-Данченко Вл.И.* Театральное наследие. Статьи, речи, беседы, письма. Т. 1. М.: Искусство, 1952. С. 165.
- ⁵ *Марков П.А.* В Художественном театре: Книга завлита. М.: ВТО, 1976. С. 410.
- ⁶ *Смелянский А.М.* Михаил Павлович Аркадьев. Цит. по: https://mxat.ru/o-teatre/imena/persona/arkadyev_m_p/?ysclid=mmfak5w3ee618790538 (дата обращения 30.10.2025).
- ⁷ *Вербицкий В.А.* МХАТ в Минске в первые дни Отечественной войны. Июнь 1941 года // Ежегодник Московского художественного театра. 1943. М.: Музей Московского Худож. акад. театра СССР им. М. Горького, 1945. С. 727–742.
- ⁸ Письма в Художественный театр. 1898–1913. Т. 1. М.: Навона, 2022. С. 11.